

Глава 4

Хо Чэн, кажется, окончательно разгадал намерения стоящего перед ним юноши.

«Неужели он нарочно пытается вызвать к себе неприязнь?»

Если так, то зачем семья Линь, согласившись на этот брак, заставила его прийти сюда?

Мужчина не собирался вымещать недовольство на самом юноше, однако его неприязнь к семейству Линь выросла ещё на пару делений. Глядя на гостя, в чьих глазах сейчас читалось странное воодушевление, он негромко спросил:

— Почему ты выбрал именно эту комнату?

010, разумеется, не мог признаться, что просто хотел позлить хозяина дома. Совершенно не подозревая, что его мотивы уже прозрачны для собеседника, он принялся лихорадочно искать оправдание.

Покопавшись в памяти Линь И, он быстро отыскал подходящий предлог, опираясь на свою специальность.

— Я хочу устроить здесь мастерскую. Мне кажется, отсюда открывается потрясающий вид!

Он заметил это сразу, как только вошёл: в кабинете было панорамное окно во всю стену. Хотя плотные шторы и скрывали пейзаж, такое огромное окно в кабинете самого Хо Чэна просто не могло выходить на что-то заурядное.

«Потрясающий вид?»

— Ты в этом уверен? — на губах мужчины промелькнуло подобие усмешки.

010 решительно кивнул.

Хозяин кабинета в ответ тоже кивнул и, откинувшись на спинку кресла, коротко бросил:

— Линь И, иди и раздвинь шторы.

На мгновение 010 показалось, что тот обратился к нему по серийному номеру, и он невольно вздрогнул. Поборов минутное замешательство, юноша подошёл к окну.

Белоснежные пальцы вцепились в тяжёлую чёрную ткань и резким движением отдернули её в сторону.

010 ожидал увидеть роскошный сад или тихие тенистые аллеи, но замер на месте, поражённый открывшимся зрелищем.

За окном возвышался единственный исполин — необъятный баньян. Его густая крона целиком перекрывала обзор, застилая стекло плотным ковром листвы, настолько сочной и яркой, будто с неё вот-вот должна была закапать сама зелень. Дерево казалось бесконечным, подавляющим своей первобытной мощью.

Линь И испугался и невольно отступил на пару шагов. Придя в себя, он с недоумением посмотрел на дерево, а затем перевёл взгляд на Хо Чэна, который всё так же невозмутимо сидел в своём кресле.

— Летом здесь полно насекомых, поэтому шторы обычно закрыты, — пояснил тот.

Лицо юноши выражало целую гамму противоречивых чувств. Изо всех сил стараясь сохранить лицо, он запнулся, но всё же выдал похвалу:

— Очень... очень самобытно.

Заметив, как отчаянно гость пытается отыскать хоть какие-то плюсы, мужчина почувствовал едва уловимый укол веселья.

— Самобытно? — повторил он. — В таком случае, когда переедешь сюда, ты должен будешь подарить мне картину, которой сам останешься доволен. И нарисуй на ней именно этот вид.

010 окончательно одервенел и лишь глупо переспросил:

— Так вы... согласны?

— Согласен, — подтвердил Хо Чэн.

Он видел, что парень вовсе не обрадовался его разрешению. Напротив, тот выглядел совершенно растерянным.

010 пребывал в глубочайшем замешательстве.

Он ведь совсем не умел рисовать! Хотя у него и были знания и навыки Линь И, он до сих пор даже палочки для еды держал с трудом.

— А можно я... не буду для вас рисовать? — с надеждой спросил он.

Выражение его лица было таким мученическим, будто перед ним поставили невыполнимую задачу мирового масштаба, хотя речь шла всего лишь об одной картине.

Последние следы веселья исчезли из взгляда хозяина дома. Он посмотрел на юношу в упор. Его зрачки казались бездонными, а недавний эмоциональный всплеск разгладился на поверхности сознания, не оставив и следа. Сейчас он выглядел пугающе равнодушным.

— Если ты не собираешься писать для меня, с чего бы мне соглашаться на твои условия?

010 заколебался. Заметив, что чашка собеседника пуста, он подхватил её, наполнил водой и осторожно подтолкнул обратно к руке мужчины. Он посмотрел на Хо Чэна, и в его глазах вспыхнула робкая надежда:

— Так пойдёт?

Воды было слишком много. Из-за неловкого движения она плеснулась через край и обварила тыльную сторону ладони мужчины.

В голове тут же раздался одобряющий голос 999:

[Отличная работа! Именно так и нужно вызывать неприязнь]

010 сделал это не нарочно. Он так разнервничался из-за холодного тона собеседника, что в голове образовалась звенящая пустота, а теперь, увидев результат своей оплошности, и вовсе перепугался. Юноша выхватил пару салфеток и уже потянулся к руке пострадавшего, но тот резким жестом остановил его.

Вода была почти кипятком. Кожа на руке мгновенно покраснела. Жидкость уже растекалась по столу, не теряя своей обжигающей температуры. Хо Чэн сам взял салфетку, прижал её к ожогу и холодно произнёс:

— Если не собираешься рисовать, можешь уходить.

010 замер в нерешительности. Он чувствовал, что совершил нечто дурное, но ведь злодеи именно так и должны поступать! Почему же тогда его так мучает совесть?

999 тем временем продолжал подливать масла в огонь:

[Очки злодея выросли всего на единицу. Поднажми! Чем больше наберёшь сейчас, тем

спокойнее будет потом. Когда перед тобой окажутся сразу и главные герои, и их покровители, ты можешь совсем растеряться]

«Я и сейчас в ужасе», — уныло подумал 010.

Рука мужчины выглядела так, будто она сильно болит. Юноша немного помолчал и медленно, с явной неохотой произнёс:

— Хорошо, я нарисую... Но у меня будут другие требования.

Собеседник поднял на него взгляд:

— Твой переезд в обмен на картину — это равноценный обмен. Ты не в том положении, чтобы выдвигать дополнительные условия.

Его тон был ровным, но в нём сквозила необъяснимая строгость.

010 мысленно всхлипнул.

Парень, казалось, был окончательно запуган; он замер у стола, не смея пошевелиться, и лишь украдкой поглядывал на мужчину. Тот постучал пальцами по столешнице, и голос его всё ещё звучал холодно:

— Впрочем, если требования разумны — я выслушаю.

Юноша бросил на него быстрый взгляд. Видимо, эта уступка придала ему капельку смелости.

— И они могут быть связаны с рисованием?

— Да, — коротко отозвался Хо Чэн.

999 до этого лишь озадаченно наблюдало за происходящим, но теперь, видя это противостояние, тоже начало нервничать и подало голос:

[Ты что несёшь? Ты же не умеешь рисовать!]

010 тихо ответил в своём сознании:

«Но я же злодей! Я просто могу в итоге ничего ему не давать»

Система поразила внезапной находчивости своего подопечного. В следующее мгновение она увидела, как юноша мельком глянул на обожжённую руку собеседника и продолжил свои рассуждения:

«К тому же, сейчас он меня так сильно возненавидит, что сам откажется от сделки. И тогда мне не придётся ничего делать. Глупый ты, 999»

[...]

[Ну-ну, так я и поверил]

А 010 уже вовсе искал способ стать ещё более несносным. Он заметил: Хо Чэн хоть и суров, но, кажется, не склонен к беспричинным вспышкам гнева. Юноша указал на диван, стоящий у окна:

— Я хочу, чтобы его убрали. Мне не нравится этот цвет.

На самом деле диван был очень красивым — строгим, чёрным и на вид невероятно мягким. 010 и сам не заметил, что его голос звучал слишком мягко и нерешительно, а в его взгляде, направленном на мебель, сквозило явное сожаление.

— И как это связано с рисованием? — спросил мужчина.

— Глядя на него, я буду расстраиваться, — парировал Линь И. — А в плохом настроении я не могу творить.

Хозяин кабинета не стал спорить:

— Хорошо. Уберём.

Этот диван служил лишь элементом декора, и его отсутствие ничего не меняло. В конце концов, сидеть на нём предстояло самому юноше.

Получив согласие, парень, кажется, приободрился. Его руки, опущенные вдоль тела, едва заметно качнулись от радости. Мужчина невольно проследил за этим движением. Возможно, из-за того, что гость постоянно держал кисть, его кисти были необычайно изящными: тонкие кости, стройные пальцы, и лишь ладони казались чуть более мягкими на вид.

— Что ещё может помешать твоему вдохновению? — поинтересовался он.

010 поджал губы, отчего на его щеках проступили мягкие бугорки. Он мучительно соображал:

как же заставить этого человека пожалеть о своём решении? Он начал бессознательно тереть край одежды и добавил:

— Мне нужен мольберт. Самый дорогой из существующих. И краски — те, которые труднее всего достать.

Хозяин дома счёл это требование вполне естественным. Руки этого юноши, казалось, были созданы лишь для того, чтобы держать самые изысканные инструменты. Он кивнул в знак согласия.

Заметив, что мужчина разглядывает его руки, 010 засмутился. Он не знал, насколько его человеческий облик соответствует стандартам красоты, поэтому поспешно спрятал ладони за спину. Казалось, даже кончики его скрытых пальцев залились румянцем.

Осознав, о чём он думает, Хо Чэн внезапно нахмурился. Он отвёл взгляд, и его тон стал ещё более отстранённым:

— Все остальные вопросы обсудишь с секретарём. Он выполнит любые твои разумные просьбы.

Это был явный намек на то, что Линь И пора уходить. Голос мужчины звучал резко, обрывая любые попытки 010 продолжить разговор. Собеседник снова выглядел рассерженным. Однако 010 ждал и ждал, но продолжения так и не последовало.

«999, он ведь злится, почему он не заберёт свои слова назад?»

Система и сама не понимала. В оригинальной мировой линии ничего подобного не происходило. Однако сильные мира сего обычно всегда держат своё слово.

[Ничего страшного. Ты же сам сказал, что в крайнем случае просто ничего ему не отдашь]

010 кивнул. Он начал по-новому понимать характер мужчины и даже сделал для себя определённые выводы. Если в будущем ему не будет хватать очков злодея, он может просто делать всё спустя рукава, чтобы злить его.

«Конечно, это не очень хорошо, — медленно рассуждал про себя 010. — Но Хо Чэн, кажется, из тех, кто не станет распускать руки»